

УДК 811.161.1

Школьникова Н. В.

Московский гуманитарный педагогический институт

**ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С АНДРЕЕМ КУРБСКИМ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО РАСХОЖДЕНИЯ**

N. Shkolnikova

Moscow Humanitarian pedagogical Institute

**CORRESPONDENCE BETWEEN IVAN THE TERRIBLE
(IVAN GROZNY) AND PRINCE KURBSKY: LINGUISTIC MECHANISMS
OF IDEOLOGICAL DIFFERENCES**

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические механизмы ведения полемики, использованные в переписке царём Иваном Грозным и князем Курбским. В качестве материала исследования выступают найденные в текстах посланий Ивана Грозного и Андрея Курбского соотносительные контексты, содержащие слова с корнем -свѣтъ-. Проведённый лингвистический анализ показывает, что невозможность установления диалога между корреспондентами определяется различием прагматической составляющей смысла, закреплённой за одними и теми же словами, у Ивана Грозного и Андрея Курбского.

Ключевые слова: древнерусский язык, лексическое значение, лингвистическая прагматика, идеология, корень -свѣтъ-.

Abstract. The article discusses the linguistic mechanisms of controversy used in the correspondence of Tsar Ivan the Terrible and Prince Kurbsky. The materials of the study are the correlative contexts, which were found in the texts of messages of Ivan the Terrible and Andrew Kurbsky, that contain the words with the root -свѣтъ-. The linguistic analysis shows that the inability to establish a dialogue between correspondents is determined by the difference in pragmatic component of the meanings of the same words.

Key words: Old Russian language, lexical meaning, linguistic pragmatics, ideology.

Переписка царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским давно стала объектом пристального рассмотрения историков, литературоведов, лингвистов. Как идейные, так и стилистические расхождения знаменитых оппонентов были отмечены и проанализированы исследователями [4; 5]. Мы же в настоящей работе хотим рассмотреть механизмы реализации такого расхождения, основываясь на анализе семантической структуры некоторых культурно значимых лексем. Под культурно значимыми мы понимаем такие лексемы, которые обозначают важные для обоих корреспондентов понятия, становящиеся «острыми точками» полемики. К подобного рода значимым лексемам мы можем отнести слова с корнем -свѣтъ-, которые неоднократно встречаются в текстах посланий обоих оппонентов. Мы предполагаем, что за словами с корнем -свѣтъ- (в первую очередь самого слова *свѣтъъ*) у Андрея Курбского и Ивана Грозного закреплена различная прагматика, отсюда проистекала невозможность установить диалог. Для того чтобы проверить эту гипотезу, рассмотрим значение слов с корнем -свѣтъ- в найденных контекстах.

Послание Андрея Курбского: Царю, от Бога препрославленому, паче же во православии пресвѣтлу явльшуся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтется, разумеваа да разумѣет, совесть прокаженну имуща, якова же ни в безбожных языцех обретається.

Ответ Ивана Грозного: А еже убо насъ «во православие и во пресвѣтлыхъ явившася» написать еси, и сие убо тако и есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и истинну.

Поскольку предмет расхождения обозначен сочетанием «во православие и во пресвѣтлыхъ» у Ивана Грозного и «царю ... во православии пресвѣтлу явльшуся» у князя Курбского, то необходимо определить значение в древнерусском литературном языке слова *православие*. Согласно Словарю русского языка XI – XVII вв., *православие* — «1. Православная вера. 2. Благочестие, следование догматам православия. 3. Собор. Исповедующие православие христиане; православные. 4. Передача греческого τὰ τῆς σοφίας προτερήματα букв. ‘преимущества в мудрости, превосходство в мудрости’» [6, с. 118-119]. Очевидно, что оба корреспондента в текстах своих посланий употребляют слово *православие* в первом (по словарю) и основном значении (возможно, диффузно объединённом со вторым значением ‘благочестие, следование догматам православия’), однако строят свои высказывания различным образом.

Князь Курбский обращается к царю, используя оборот (*царю*) *паче же во православии пресвѣтлу явльшуся*. При этом он характеризует царя как явившегося *пресвѣтлым* в православии. Вероятно, давая такую характеристику, Андрей Курбский подчёркивает не принадлежность царя к православию (что и без того очевидно), а его заслуги. Называя царя *пресвѣтлым*, князь Курбский подчёркивает его значимость для православия, относит его к деятелям православия, а сама характеристика *пресвѣтлыми* становится, на наш взгляд, особо значимой. Можно предположить, что в данном контексте подраз-

умеваются ситуация ранних лет правления Ивана Грозного: «Упомянув, что царь явился «пресвѣтлым» «во православии», Курбский, по всей вероятности, намекает на большую роль Ивана IV в деле созыва церковного Стоглавого собора и в проведении церковных реформ в годы его благочестивого правления совместно с так называемой «Избранной радой». <...> Отступление царя Ивана от соблюдения ряда постановлений Стоглавого собора после смерти царицы Анастасии и падения «Избранной рады» Курбским рассматривалось как измена православию» [1, с. 47]. Иными словами, *пресвѣтлыми* в данном контексте означает ‘благочестивый: разумный, просвещённый, прогрессивный’ (правитель). Подобное семантическое наполнение слова *пресвѣтлыми*, вероятно, определяется всем комплексом его значений, отражённых в словаре. Так, например, в данном контексте совмещены следующие значения слова *пресвѣтлыми*, зафиксированные Словарем русского языка XI – XVII вв.: ‘благородный, обладающий высокими моральными качествами, просвещённый’, ‘весьма почитаемый, почтенный’, ‘эпитет, употребляемый по отношению к высшим лицам в государстве (царям, великим князьям)’. Однако можно ли вообще рассматривать слово *пресвѣтлыми* как многозначное? Вероятно, мы имеем дело со сложным диффузным значением (по Д.Н. Шмелеву) [7, с. 80] или, что вернее для древнерусского языка, семантической синкретой (В.В. Колесов) [3, с. 146]. Как мы видим, слово *пресвѣтлыми* одновременно характеризует моральные качества, образованность, ум и положение человека в обществе, причём нельзя сказать, чтобы какое-то из перечисленных свойств было важнее остальных, потому что все они обусловлены благочестивостью человека, степенью его озарённости духовным светом, а значит, судить о том, какое из значений, входящих в структуру слова *пресвѣтлыми*, является основным, а какое – вторичным, какое из значение самостоятельное, а какое представляет собой оттенок значения, очень сложно, что указывает на

функционирование слова как семантической синкреты.

Наряду с семантикой слов при анализе необходимо учитывать референцию и прагматику высказывания. По мнению большинства исследователей, к референту отсылают высказывания: «Референцией к миру дискурса, т. е. способностью отсылать к нему, обладают только два вида выражений — именные группы (составляющие предложения, главным словом в которых выступает имя), отсылающие к предметам, и предложения (точнее, сентенциальные составляющие), отсылающие к ситуациям» [2, с. 58-59]. Под прагматикой мы понимаем отношение говорящих к использованным в речи языковым знакам. В рассмотренном примере к референтной ситуации отсылает вся конструкция *(царю) паче же во православии пресвѣтлу явльшуся*, однако точность привязки обеспечивается семантическим наполнением прилагательного.

В ответном послании Иван Грозный, полемизируя с Андреем Курбским, подхватывает именно слово с корнем *-свѣтъ-* *пресвѣтлыи*, несколько раз трансформируя высказывание князя Курбского. Рассмотрим, как функционируют эти слова в тексте царского послания.

В тексте послания Ивана Грозного цитируемое высказывание Андрея Курбского претерпевает следующие последовательные изменения: *во православие и во пресвѣтлыхъ явившася* (1) – *православие пресвѣтлое* (2) – *свѣтлость благочестива* (3) – *свѣтъ* (4). Мы видим, что слово с корнем *-свѣтъ-* из синтаксически подчинённого (*во пресвѣтлыхъ явившася, православие пресвѣтлое*) превращается в определяемое (*свѣтлость благочестива*), а затем вся конструкция и вовсе заменяется одним словом *свѣтъ*. Мы полагаем, что подобные изменения синтаксической роли единиц с корнем *-свѣтъ-* указывают на особую значимость данных слов в тексте. В рассмотренном выше примере из послания князя Курбского референтная ситуация, к которой отсылает автор, лишь подразумевается. В тексте же послания Ивана Грозного

референтная ситуация не подразумевается, а прямо описана автором:

Се ли «православие пресвѣтлое», еже рабы обладаему и повелеваему быти?

Или мниши сие свѣтлость благочестива, еже обладатися царству от попа невѣжи и от злодѣйственныхъ изменныхъ человѣкъ и царю повелеваему быти?

Или убо сие свѣтъ, яко попу и прегордымъ лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо председаниемъ и царскою честию почтенну быти, властью же ничимъ же лучши быти раба?

Как следует из данных примеров, в контекстах, включающих слова с корнем *-свѣтъ-*, для Ивана Грозного тоже есть отсылка к референтной ситуации, соотносимой с той, которую мы усмотрели в послании Андрея Курбского. Князь Курбский отсылает читателя к ситуации ранних лет правления Ивана Грозного совместно с «Избранной радой», представленных как время «просвещенной» и благочестивой власти. А в послании царя те же годы его правления описаны как время господства «лукавых рабов» и подчинения им государя. Очевидно, что одна и та же референтная ситуация в описании Ивана Грозного и Андрея Курбского сопровождается разными оценками, т. е. обнаруживаются различия на уровне прагматики. Так, референтную ситуацию, которую князь Курбский определяет как «свет», Иван Грозный характеризует как такую, для которой характерны следующие признаки: бесправие, угнетённость, зависимость, измена. Интересно отметить, что семы ‘бесправие’, ‘угнетённость’, ‘зависимость’, ‘измена’ не входят в лексическое значение слов с корнем *-свѣтъ-*, следовательно, можно говорить об окказиональном, индивидуально-авторском употреблении данных слов, использованном Иваном Грозным в качестве полемического приёма. Очевидно, между оппонентами идёт спор о возможности применения символа «свет» по отношению к данной референтной ситуации.

Итак, проанализировав данные, мы действительно обнаруживаем наличие разных

прагматических составляющих высказывания, которые актуализируются с помощью одних и тех же слов. Чтобы выяснить, является ли такое расхождение единичным или постоянным, рассмотрим остальные найденные нами контексты, содержащие слова с корнем *-свѣт-*.

Послание Андрея Курбского: Про что, царю, силных во Израили побил еси, и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми разторгнул еси, и побѣдоносную святую кровь их въ церквах Божиях пролиал еси, и мученическими кровми праги церковныя обазрил еси, и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих, неслыхованные от вѣка муки, и смерти, и гонения умыслил еси, измѣнами, и чародѣйствы, и иными неподобными облыгаа православных и тщиася со усердиемъ свѣт во тму преложити, и тму в свѣт, и сладкое горко прозвати, и горкое сладко?

Ответ Ивана Грозного: Свѣта же во тму прилагати не тщиася и сладкое горко не прозываю. А се ли убо свѣтъ или сладко, еже рабомъ владѣти? А се ли тма и горко, еже от Бога данному государю владѣти, о немже многа слова пространнѣйше напреду изъявленна?

Комментаторы отмечают: «Данный текст Курбского так или иначе восходит к библейской книге пророка Исаяи, где читается: «Горе ... полагающим тму свѣт и свѣт тму, полагающим горкое сладко, а сладкое горко» (Ис. 5, 20)... Курбский включил указанный выше текст в Послание, очевидно, с намёком на то, что царя Ивана в свете этого пророческого высказывания ждёт неминуемое горе» [1, с. 49]. В дополнение к данному комментарию стоит обратить внимание на то, что и в исходной библейской цитате, и в тексте послания Андрея Курбского присутствует оппозиция «свет-тьма», построенная на столкновении антонимов. Очевидно, здесь возникает конкретно-зримый образ замены света – лучистой энергии – его противоположностью – тьмой. В то же время, поскольку слова *свѣтъ* и *тма* употреблены в симво-

лических значениях, читатель представляет и абстрактный образ духовного света, и противоположной ему тьмы удаления от Бога. Таким образом, в данном высказывании князя Курбского актуализированы одновременно и основное значение слова *свѣтъ* ‘свет, лучистая энергия’, и производное значение ‘то, что делает ясным, понятным мир; духовный свет’, а референция осуществляется сразу к двум объектам: одному – из мира материального, другому – из мира идеального. Подобное словоупотребление обусловлено прагматической задачей данного высказывания и усиливает его риторическое воздействие. В ответном высказывании Ивана Грозного присутствует тот же самый референт (точнее, референтная ситуация), что и в рассмотренных нами выше контекстах из послания царя (т. е. господство «рабов» над государем), актуализируются семы ‘бесправие’, ‘угнетѣнность’, ‘зависимость’, ‘измена’, никак не выводимые из лексического значения слова *свѣтъ* и, напротив, соотносящиеся с лексическим значением слова *тма*, т. е. определённые прагматической установкой автора.

Рассмотрим третий пример.

Послание Андрея Курбского: Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоего же тебѣ бещестиа не приведох, но развѣ побѣды пресвѣтлыи помощию аггела Господня въ славу твою поставлях и никогдаже полков твоих чюжим полкомъ хребтом обратих, но паче одолѣнна преславнаа на похвалу тебѣ сотворях.

Ответ Ивана Грозного: «Побѣды же пресвѣтлыи и одолѣние преславное» когда сотворилъ еси? Егда убо послахомъ тя въ свою вотчину, в Казань, непослушныхъ намъ повинити, ты же, в повинныхъ мѣсто, повинныхъ к намъ привелъ еси, измѣну на нихъ возложа, а на нихже послахомъ тя, никоегоже имъ зла сотворилъ еси.

Се ли убо пресвѣтлая побѣда и одолѣние преславно и похвално и честно?

В этих контекстах отсылка к референтной ситуации осуществляется с помощью слов *побѣды* и *одолѣнна*, однако первое из дан-

ных существительных сопровождается атрибутом *пресвьтлы*, т. е. мы снова встречаем интересующее нас слово с корнем *-свьт-*. Появление данного слова в качестве атрибута отнюдь не случайно. Желая подчеркнуть величину своих заслуг перед царём, князь Курбский не просто напоминает о совершённых им победах, но называет их *побьды пресвьтлы*. При употреблении без атрибута слово *побьды* только отсылало бы к референтной ситуации, но не содержало бы эмоциональной оценки этой ситуации, то есть прагматического компонента значения. При сочетании с определением явной становится положительная коннотация слова *побьды*, приобретённая им под влиянием следующих сем прилагательного *пресвьтлыи*: ‘весьма славный, знаменитый’, ‘чрезвычайно торжественный’, ‘весьма почитаемый, почтенный’. Следует также отметить, что поскольку прилагательное *пресвьтлыи* явно соотносится с мотивирующим существительным *свьтъ* в его символическом значении ‘духовный свет’, то можно говорить не только об эмоциональной, но и об идеологической оценке данной референтной ситуации: князь Курбский, подчёркивая свои воинские заслуги, ещё и отмечает, что совершались они с Божьей помощью, а значит, отрицая доблесть его, Курбского, полемизируя с ним, царь погрешает и против истины, и против Бога. Кстати, дальнейший контекст подтверждает эту мысль: ... *побьды пресвьтлы помощью аггела Господня въ славу твою поставлях...* Однако, когда Иван Грозный цитирует рассматриваемую фразу в своём ответном послании, положительная коннотация, приобретённая словом *побьды* за счёт атрибута *пресвьтлы*, нивелируется, т. к. происходит замена прагматической оценки, задаваемой словом *побьды*: «*Побьды же пресвьтлые и одолъние преславное*» когда сотворилъ еси? Егда убо послахомъ тя въ свою вотчину, в Казань, непослушныхъ намъ повинити, ты же, в повинныхъ мѣсто, неповинныхъ к намъ привель еси, измѣну на нихъ возложя, а на нихже послахомъ тя, никоегоже имъ зла со-

творилъ еси. Как мы видим, и в этом случае в текстах Ивана Грозного и Андрея Курбского есть различия в прагматике, выражаемые словосочетанием *побьды пресвьтлы*. Князь Курбский утверждает значимость, боговдохновенность своих побед, характеризуя их с помощью атрибута *пресвьтлы*, благодаря чему актуализированными в контексте становятся фоновые семы ‘весьма славный, знаменитый’, ‘чрезвычайно торжественный’, ‘весьма почитаемый, почтенный’, ‘духовный свет’. Царь же, в свою очередь, не только не соглашается с подобной оценкой действий князя Курбского, но и прямо заменяет оценку на противоположную, характеризует победу Курбского как обман и измену, вновь актуализируя сему ‘измена’, постоянно используемую в тексте при описании и характеристике действий князя Курбского и его единомышленников.

Итак, мы проанализировали найденные в текстах посланий Андрея Курбского и Ивана Грозного соотносительные контексты, содержащие важные, на наш взгляд, для понимания сути полемики слова с корнем *-свьт-*. Проведённый семантический анализ подтвердил нашу гипотезу о существовании разной прагматической составляющей смысла, закреплённой за одними и теми же словами, у Ивана Грозного и Андрея Курбского. Мы выяснили, что референтная ситуация, к которой отсылает читателя князь Курбский в своём послании, относится ко времени раннего правления Ивана Грозного совместно с «Избранной радой». Эта ситуация представлена как время «просвещённой» и благочестивой власти и охарактеризована с помощью слов с корнем *-свьт-* с актуализированными семами ‘благочестивый: разумный, просвещённый, прогрессивный’. Актуализация перечисленных сем в контексте позволяет князю Курбскому дать эмоциональную и идеологическую оценку названной референтной ситуации и таким образом утвердить свою правоту. В послании Ивана Грозного те же слова отсылают, однако, к иной прагматике, та же ситуация оценена

автором как время господства «лукавых рабов» и подчинения им государя. При описании и характеристике данной референтной ситуации в контекстах, содержащих слова с корнем *-свят-*, актуализируются семы 'бесправие', 'угнетённость', 'зависимость', 'измена', не выводимые из лексического значения указанных слов, но определяемые лексическими значениями их антонимов с корнем *-тьм-*. Следовательно, в тексте царского послания имеет место окказиональное, индивидуально-авторское употребление слов с корнем *-свят-*, использованное автором как полемический приём. Разные окказиональные значения соответствуют разной прагматической составляющей при описании одной и той же референтной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11: XVI век. – 683 с.
2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
4. Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Л.: Наука, 1979. С. 183-213.
5. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Л.: Наука, 1979. – С. 214–249.
6. Словарь русского языка XI – XVII вв. Под ред. Г.А. Богатовой. – Вып. 18. – М.: Наука, 1992. – 288 с.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с.